

Елена
ГРАСС

Их прошлого
РАЗВОД
по чужому Сценарию

Елена Грасс

Эхо прошлого. Развод по чужому сценарию

<https://litres.ru/74576277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я подхожу к столу и смотрю на конверт. Обычный, плотный, бежевый.

Ничего особенного, но он кажется мне страшнее любого приговора.

Амир стоит рядом и ждёт.

Не торопит, не кричит, не требует. Но от этого становится только хуже.

— Доставай фото и я жду твоих комментариев, — цедит он сквозь зубы.

Несмело киваю, беру конверт в руки и открываю. Я знаю, что это за фотографии, меня ничем удивить.

— Это ты?

Я открываю рот, но не могу произнести ни звука.

— Таня, я тебе задал вопрос: это ты?! — Амир повышает тон.

— Ты же знаешь: отмолчаться не получится. Говори! Можешь даже сказать, что не ты и тебя подставили, и я постараюсь поверить. Но ты прекрасно понимаешь, что я...

— Докопаешься до правды. Да, я знаю это, Амир.

— Тогда лучше давай сэкономим время. Повторяю свой вопрос: это ты?

— Я.

Амир после моего признания закрывает глаза, и из его сжатых губ срывается тихое, полное ярости ругательство.

Мне страшно. Я хочу отойти от него, но он хватает меня за руку и разворачивает к себе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	60
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эхо прошлого. Развод по чужому сценарию

Глава 1

ТАТЬЯНА

Я сижу за кухонным столом и медленно размешиваю давно растворившейся в чашке сахар.

Тихий металлический звон, касающийся чашки, действует на меня медитативно. Моё утро сегодня такое же, как все остальные, но меня это ничуть не смущает.

Напротив — радует!

Несмотря на то, что мне всего лишь двадцать пять, я люблю такую тихую и размеренную жизнь. В ней мне всё ясно и понятно.

Именно к этому я и стремилась после всех бурь своей молодости.

Я, улыбаясь, ставлю чашку чуть в сторону и тянусь за телефоном.

Проверяю список дел, которые я запланировала на сегодня, записываю то, что вспомнила из новых и уже собираюсь отложить телефон в сторону, когда он издаёт тихое и настойчивое жужжание.

Я беру его без особого интереса, думая, что это напоми-

нение из вчерашнего календаря. Но как только я открываю сообщение от незнакомого номера, моё сердце падает вниз.

Фотографии. Мои. Из прошлого.

И не просто фотографии, а те, что я хотела бы уничтожить.

На мгновение закрываю глаза и убеждаю себя, что это мне приснилось.

Считаю до трёх и открываю обратно.

Нет, не приснилось. На них действительно я ровно семь лет назад.

На первой я стою у стены... На второй я смеюсь, запрокинув голову.

А дальше... Дальше я уже не смотрю. Мне и так всё понятно. Кто-то покопался в моём прошлом. В том прошлом, которое я так тщательно пыталась скрыть.

Руки дрожат так сильно, что телефон едва не падает.

Внутри поднимается волна чистого ужаса. Она захлёстывает горло, давит на грудь, заставляет желудок сжиматься в тугой комок.

Обхватываю рукой шею, в попытке успокоиться, но выходит плохо.

Так, мне срочно нужно успокоиться. Я не могу позволить этому страху вырваться наружу, и тем более, чтобы его почувствовали мой муж и ребёнок.

Все намеченные планы на сегодня летят в бездну. Теперь всё сосредоточено на телефоне и фотографиях.

Продолжаю сидеть и пялиться в экран.

Я очень надеюсь на звонок. Тот звонок, через который я узнал, что хочет человек, скинувший мне эти фотографии.

Предположить несложно, но я продолжаю гадать. Вероятнее всего, это будут деньги. Ну а что это ещё может быть?

Однако телефон молчит.

Нет, так нельзя. Мой сын может почувствовать моё волнение. Нужно срочно чем-то себя занять.

Встаю и начинаю мыть посуду. Тарелка в руках дрожит, и я понимаю, что волнение становится только сильнее.

Выключаю воду, снова беру в руки телефон и открываю сообщение. Мне снова хочется, чтобы всё это было неправдой, но фотографии из моего прошлого на месте.

В злости удаляю одну и вторую, но с той стороны телефона словно наблюдают за мной и присылают мне пару новых.

— Кто вы?! — негромко выдыхаю вопрос, и словно по волшебству, телефон в руках начинает вибрировать.

Номер неизвестен, но я всё равно нажимаю на зелёную кнопку ответа.

Вероятно, я загоняю себя в ловушку, но я знаю, что выбора у меня нет.

Если я не отвечу, уверена, человек, который отправлял мне фото, не остановится.

— Кто вы? И что вам от меня нужно? — начинаю говорить сама без всякого приветствия.

— Всё расскажу при встрече. Приезжай по адресу, кото-

рый отправлю следом. Никому ничего не говори, иначе сильно пожалеешь, — произносит низкий, бархатный мужской голос.

Его слова звучит как приказ.

— Я не могу, у меня маленький ребёнок.

— Меня это не волнует. Реши эту проблему, как решаешь все остальные. Попроси кого-нибудь побыть с сыном и приезжай. Десять раз говорить не буду. Не выполнишь требование, вся твоя прошлая жизнь окажется в телефоне твоего мужа, его друзей, коллег, и всех тех, кто вас окружает.

— Что вам от меня нужно?! — в отчаянье я снова кричу этот вопрос, словно надеясь получить ответ.

— Не истери, дура. Приезжай и поговорим, — незнакомец, не прощаясь, сбрасывает звонок.

Перезваниваю. Пальцы дрожат, пока я нажимаю на вызов. Длинные гудки. Раз. Два. Три. Тишина.

Я хочу предупредить этого незнакомца: если он рассчитывает получить от меня деньги — у меня их нет.

Но он не отвечает на вызов.

Не зная, как мне поступить, начинаю ходить по кухне. Туда-обратно, туда-обратно.

Телефон снова пиликает, и на экране появляется адрес для встречи. Он совсем недалеко от нашего дома.

«Обеденный сон твоего ребёнка. Я буду ждать два часа. Приходи в любое время. Твою внешность, как ты сама понимаешь, мы знаем. Так что... я сам подойду к тебе».

Мы? То есть он не один?

А про внешность вообще звучит как издевательство.

Я перечитываю сообщение снова и снова и понимаю: этот человек не один, и они знают, где я живу.

Возвращаюсь обратно на стул, пытаюсь сделать глоток чая, но он встаёт посреди горла.

Начинаю кашлять. Мне страшно. Мне очень страшно.

Страшно потому, что моя жизнь теперь может рухнуть в любой момент.

Страшно, что я могу потерять мужа, а с ним ту жизнь, о которой мечтала.

И это не про недостаток и деньги. Это про то, как мы любим друг друга.

Амир не простит меня. Я это знаю точно.

Как бы он меня ни любил, он не сможет понять моё прошлое. Ведь он в отличие от меня рос в достатке и сытости.

Так, нужно собраться. Пытаюсь понять, слышала ли я этот голос ранее.

Он показался мне очень уверенным, а где-то даже ленивым. Но что совершенно точно — в нём сквозила такая сила, что у меня по спине до сих бегают мурашки.

Смотрю на время и понимаю, что найти того, кто посидит с сыном будет довольно сложно.

В надежде звоню соседке и прошу полчаса посидеть с Артёмом.

Она, на удивление, соглашается без всякого сопротивле-

ния, и, как только сын засыпает, я буквально бегом идёт в то кафе, где назначена встреча.

Пока добираюсь до места, думаю о том, как эти фотографии могли попасть к незнакомцу, но не понимаю.

О них знала только моя подруга и фотограф.

Если в фотографии я не уверена, то в Ане напротив.

Она сама сейчас замужем и, как и я боится, что прошлое вылезет наружу.

Смотрю на время. Прошло всего пять минут, а, кажется, целая вечность.

Я пользуюсь свободными минутами и дрожащими пальцами набираю номер Ани.

На том конце провода долго не отвечают, и я уже готова сбросить звонок, когда наконец слышу знакомый голос.

— Привет.

— Привет, — настороженно говорит она. Да, Анечка, я бы тоже удивилась, если бы ты мне позвонила. Сколько мы не слышали друг друга? Лет пять?

Я закрываю глаза, вспоминая наши старые разговоры, когда мы были неразлучны, и как всё изменилось после того случая в прошлом. Но сейчас не время для ностальгии.

— Я не буду спрашивать, как у тебя дела и всё такое. Я только хочу предупредить тебя, что кто-то прислал мне фотографии из нашего прошлого.

На той стороне трубки молчание. Смотрю на телефон, предполагая, что проблемы со связью, но экран горит, секун-

ды разговора бегут.

Эмоции по-прежнему захлёстывают меня: страх, что я зря позвонила, и лёгкая надежда, что Аня поможет разобраться.

— Ань, ты здесь?

— Да. Но как?

— Я не смогу тебе ответить на этот вопрос.

По тому как удивлена подруга, я понимаю, что она не в курсе событий. Значит, пытаются шантажировать только меня.

Мы ещё несколько минут обсуждаем то, что случилось, и я, не сдерживаясь всё-таки, задаю главный вопрос:

— Аня, это же не ты, правда?

— Что не я? — не знаю, прикидывается моя подруга детства или нет, но и это её удивление выглядит вполне впечатляющим.

— Не ты рассказала про...

— Ты дура? — взрывается Анна. — Если бы я про тебя рассказала, ты бы наверняка мне отомстила!

— Не кипятись. Просто я... напугана и расстроена.

— Ну конечно, ещё бы... — странно фыркает она.

— О чём ты?

— Вышла замуж за богача и теперь трясешься, что он всё узнает о тебе?

— Зачем ты говоришь такое... Я люблю Амира и деньги здесь не при чём.

— Конечно, конечно! — продолжает подначивать меня

бывшая подруга. А я не узнаю её. Когда она стала такой завистливой?

— Аня, да что с тобой такое?! — взрываюсь на эмоциях.
— Я не виновата, что у тебя несчастливый брак, и...

Аня дальше не слушает меня. Она сбрасывает звонок, даже не попрощавшись.

Кафе, которое выбрал незнакомец, находится в тихом месте. Вероятно, этот человек так же, как и я не хочет быть на виду.

Зайдя в заведение, я пробегаюсь глазами и вижу только одного человека, сидящего за столиком. Это молодой парень в светлой футболке и лёгких джинсах.

Подхожу к нему и сажусь напротив.

Он улыбается ехидной улыбкой, и я сразу понимаю, что именно этот молодой человек мне звонил.

Заказываю кофе. Мне нужно чем-то занять руки.

— Привет, Танечка. Умница, не заставила себя долго ждать.

— Говорите быстро, что вам нужно, и я пошла. Соседка обещала посидеть с ребёнком не более получаса, — чеканю слова.

Глава 2

— Не торопись, кроха. У нас с тобой важное дело, — говорит он низким, бархатистым голосом, полностью игнорируя мои предыдущие слова.

Его взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на губах, и я чувствую, как кожа начинает гореть.

— Откуда у вас мои фотографии? — спрашиваю я ровным, почти холодным голосом.

Он отвечает не сразу. Вместо этого откидывается на спинку стула, продолжая смотреть на меня глазами, полными откровенной похоти. Уголки его губ слегка приподнимаются в усмешке: медленной и слишком самоуверенной.

Я чувствую себя абсолютно беззащитной в этот момент.

Такие чувства возвращают меня в моё прошлое, где мне приходилось выживать, и я вспоминаю, что мне как тогда, так и сейчас не к кому обратиться за помощью.

— Какая разница. Главное, что они у меня есть, — наконец произносит он, и в его тоне звучит лёгкое пренебрежение. — Я хочу твоему мужу их показать. Пусть посмотрит, какая у него жена. И хвастаться, как понимаешь, нечем.

После его откровенной угрозы гнев и паника смешиваются внутри, но я не позволяю им вырваться наружу.

Потом... Всё потом. А пока надо держаться и не показывать своего бессилия перед его наглостью.

— Говорите, ЧТО вам от меня надо! Иначе... Иначе пожалееете!

Конечно, мои угрозы звучат смешно. И я, глядя на его реакцию следом, это отчётливо понимаю.

После моих слов в его глазах вспыхивает веселье.

— Хм... Я? Пожалеею?! А ты смешная. А ещё... Ещё страстная... — говорит он тихо, почти интимно. Его колено под столом теперь касается моего. Уверена — не случайно.

В своей растерянности я не сразу убираю ногу в сторону и вижу, что его забавляет всё то, что происходит между нами.

— Ещё раз прикоснётесь, я... я вылью вам на голову кипяток!

— Вылей! — пытается взять меня на слабо. — Я люблю таких, как ты — притких. В постели обычно такие — огонь.

Я сглатываю. Сердце бьётся настолько громко, что, кажется, незнакомец тоже это слышит.

О какой постели он говорит? Или этим он собирается шантажировать меня? Если так, тогда я сама пойду и расскажу своему мужу о своём прошлом. И плевать на то, что будет.

— Хватит притворяться. Ты дрожишь, девочка... Ты боишься. Мужа своего? Понимаю... Слишком большой риск потерять золотую жилу. — Он берёт мой кофе и бесцеремонно крупный делает глоток.

Затем возвращает обратно мою чашку, но я отталкиваю её от себя. Теперь я этот кофе точно пить не стану.

— Насколько я знаю, он у тебя восточных кровей. А зна-

чит, очень ревнивый. Ох! — Ведёт он игриво плечами и чуть подпрыгивает на месте. — Даже страшно представить, что он с тобой сделает, когда поймёт, чем занималась его жена в прошлом!

Несмотря на то, что я собрана, слёзы всё-таки появляются на моём лице. А ведь я давала себе слово при нём не плакать.

Я быстро вытираю их руками, но всхлипы всё равно прорываются наружу.

Да, он прав. Наверное, именно поэтому этот урод давит на то, что является для меня самым болезненным. Амир действительно иногда бывает вспыльчив.

Он больше не говорит ни слова. Только смотрит на меня. И под этим взглядом я снова чувствую себя голой.

— Считаю до трёх. Или говорите, что вам от меня нужно, или уходите. Раз...

— Хорошо. Я расскажу тебе, что мне от тебя нужно...

— Если сделать что-то наподобие этих фотографий, я сразу говорю: я не согласна! Ни за какие деньги, ни за какие условия.

— Нет, этого мне не нужно. Хотя... Мне кажется, что ты сейчас не в том положении, чтобы диктовать мне условия.

Под его взглядом лицо горит. Прикладываю к щекам ладони и понимаю, что мои ощущения не ошибочны.

— Раз... Два...

— Речь не о постели. Речь о празднике, который скоро состоится в доме твоей свекрови.

— О празднике? — Сейчас мне кажется, что я ослышалась. Я совсем не понимаю, причём здесь моя свекровь, её праздник и я.

— Да. Это и есть твоя работа за моё молчание.

Парень достаёт из кармана своего пиджака какой-то флакон. Я вижу, что в нём жидкость, но для чего она объяснений не следует.

Жду, что он скажет. Но незнакомец молчит. Только ставит флакон и снова поднимает на меня глаза.

— Что это? — шепчу я, не отрывая глаз от него. Сердце стучит в висках.

— Не твоё дело. Главное, что ты должна сделать — это вылить его содержимое своей свекрови.

— Зачем?

— Не твоё дело. Но если хочешь, можно назвать это нашим подарком на её юбилей! Мы так решили её поздравить, — парень начинает снова улыбаться, но эта улыбка больше похожа на злой оскал.

— Наш? — не понимаю я, о ком он говорит. Мозг отказывается складывать его слова в логическую цепочку. — Я не понимаю... Кто «мы»?

— Неважно! — быстро осекается он, словно понимает, что взболтнул лишнего. — Сделаешь?

— Нет, — не сомневаясь, отталкиваю от себя пузырьрёк.

Мужчина замирает, и на мгновение в его глазах мелькает что-то холодное, почти опасное. Улыбка медленно сползает

с лица, уступая место жёсткому, оценивающему взгляду.

— Почему?

— Откуда я знаю, что там. Если вы говорите, что его нужно подсыпать, значит, вы толкаете меня на преступление. А раз это преступление, значит, там... яд.

— А тебе какая разница, что там. Это же не для тебя и даже не для твоего мужа.

— Это мать моего мужа.

— И что? — он цокает языком и усмехается так громко, словно я сказала самую настоящую глупость. — Девочка, не глупи. Напоминаю, что от меня зависит твоя семейная жизнь.

— И всё равно нет, — продолжаю уверенность настаивать на своём, понимая, что я собственноручно копаю себе яму. Но я правда не готова навредить матери Амира.

— Нет? — тихо повторяет он, и в его голосе теперь нет ни капли той прежней игривости. Только низкий, ровный тон, от которого мурашки бегут по коже. — Ты уверена, что хочешь именно так ответить? Я ведь, чтобы ты хорошо подумала два раза спросил!

Он, словно не желая отступать, не убирает флакон. Оставляет его стоять между нами на столе, словно напоминание о том, что пока, на данный момент у меня есть выбор.

— Послушай меня внимательно, кроха, — продолжает он, наклоняясь ко мне максимально ближе. От резкого запаха его дорогого парфюма становится трудно дышать. — Я не

прошу. Я предлагаю сделку. Причём очень выгодную для тебя! Ты делаешь то, что нужно, и эти фотографии, из-за которых ты так трясешься, исчезают. Навсегда. Никто ничего не узнает. Твой муж останется в счастливом неведении, свекровь получит свой «подарок», а ты сможешь забыть, что эта встреча вообще была. Но если ты снова скажешь «нет»... — голос становится ещё ниже, почти шёпотом, — то после праздника на следующее утро твой муж получит не просто фото. Он получит целую подборку. И мы с тобой оба знаем: там будет на что посмотреть!

— Плевать. Пока не скажете, что внутри флакона, я ни на что не соглашусь.

— Ну и зря. Кто она тебе — твоя свекруха. Никто. Чужая женщина. Не рискуй своим счастьем ради неё.

— Вы хотите её отравить? В таком случае я вызываю полицию, — выпаливаю я, хотя понимаю, как глупо это звучит. Слова вылетают сами собой, от отчаяния.

Он откидывает голову назад и начинает громко смеяться.

Официант, лениво вытирающий соседний столик теперь смотреть на нас с откровенным интересом.

— Вызывай. Ты даже не знаешь, что в этом флаконе. Может, это... эликсир молодости.

Быстро встаю со своего стула, бросаю несколько купюр на стол и спешу к выходу.

— Беги, Танечка, беги! Всё равно не убежишь.

Выйдя из кафе, я мчусь вперёд, не разбирая дороги, пока

визг тормозов не вырывает меня из оцепенения.

Машина останавливается в нескольких сантиметрах от меня. Я стою посреди дороги, дыхание рвётся, волосы прилипли к лицу.

Я даже не заметила, как снова плачу.

— Девушка, вам что, жить надоело?! — вопит водитель, высовываясь из окна. Его лицо красное от злости, но я едва слышу.

— Простите, — мямлю я, отступая на тротуар. — Это я виновата.

Глава 3

Следующие два дня проходят в нервном напряжении. Я сижу на кухне, уставившись в экран телефона, и каждую секунду жду, что он снова запиликает.

Я проверяю уведомления по сотый раз, но тишина давит сильнее любого звука. Ни звонка, ни сообщения, ни нового требования о встрече.

Однако я почему-то уверена, что новая встреча ещё обязательно состоится.

Ведь я отказала выполнить требования незнакомца, а он заинтересован в том, что бы я выполнила его требование.

Это непонятное затишье только усиливает страх.

— Тань, ты здесь? — голос Амира доносится из гостиной, где он играет с Артёмом.

Я слышу, как сын смеётся, но сама не могу выдавить даже улыбку.

— А? — переспрашиваю я, отрываясь от телефона и пытаясь сосредоточиться.

— Ты слышала, что я предлагал? — муж смотрит на меня с лёгким удивлением.

— Нет, прости, — врать не хочется. Я и так погрязла во вранье.

— Что с тобой последние дни? Ты сама на себя непохожа.

— Устала.

Амир смотрит на меня с подозрением, но вопросов больше не задаёт.

Он знает меня слишком хорошо, чтобы настаивать на разговоре. Я, если на меня давить, закроюсь ещё больше.

— Амир, посиди с Артёмом, я выйду ненадолго прогуляться.

Согласия мужа я не жду. Накидываю кофту и спешу на улицу.

На меня теперь давит не только ситуация, но и стены. Именно поэтому мне, чтобы не задохнуться от мыслей, нужен воздух и пространство.

Выхожу на улицу и делаю глубокий вдох и иду без всякой цели.

Проходит час, за ним второй, но Амир даже не звонит.

Вероятно, он видит моё непонятное настроение и даёт мне возможность отвлечься.

Я благодарна ему за заботу. Но боюсь, она кончится сразу же, как он узнает о моём прошлом.

Иду по тротуару, не замечая прохожих, и вдруг резко сталкиваюсь с каким-то парнем.

Поднимаю на него глаза.

— Извините, задумался, — бубнит он себе под нос и быстро уходит.

Захожу в магазин, беру тележку, но не успеваю сделать и пары шагов, когда телефон начинает вибрировать.

«Загляни к себе в сумку» — вижу сообщение с незнако-

мого номера.

Словно зомбированная, я выполняю то, что от меня требуют.

Не сразу понимаю, что я должна там найти, но, когда вижу бутылёк, замираю и не могу пошевелиться.

Откуда он у меня?

Незнакомец... Всё ясно. И столкновение наше неслучайность. Вероятно, его миссия и была закинуть мне этот флакон в сумку.

«Я снова даю тебе возможность подумать. Воспользуйся моей добротой».

Успеваю удалить сообщение, когда, выйдя на улицу из здания, слышу за своей спиной негромкий гудок машины.

Я уверенная, что этот тот, кто шантажирует меня, резко поворачиваюсь в сторону звука.

Но мои предположения ошибочны. Это не тот урод, что давит на меня. Это мой муж с нашим сыном.

— Танюш... — Амир сканирует меня взглядом. — Ты хоть немного отвлеклась?

— Да, — вру. Мои мысли и страх не оставляют меня ни на мгновение. — Куда вы собрались?

— Мама пригласила нас на ужин. Поехали?

Сажусь в машину и вижу, что Амир не сводит с меня глаз.

— Всё нормально? — он спрашивает меня таким голосом, от которого мне хочется вжаться в сидение.

— Да.

— Тань, хватит врать, — Амир говорит тихо, но в голосе сталь.

— Папа, смотри, — отвлекает сын отца, что-то показывая ему в окне, и я очень благодарна ему за это.

Мы приезжаем к свекрови, и Амир на мою удачу забывает свой вопрос.

Артём сразу же тянется к Полине, и она, как всегда, расцветает.

Я люблю бывать в этом доме, мне комфортно среди родных мужа. Свекровь с самого начала приняла меня хорошо и относилась ко мне с уважением.

— Танюш? — выдёргивает она меня из моих мыслей через час. — У тебя что-то случилось?

Она ласково смотрит на меня и ждёт ответа.

— Нет, всё в порядке. Просто Артём плохо спал, и я не выспалась, — и я снова вру.

— Хочешь, оставляй его с ночёвкой у нас. А вы побудете вдвоём с Амиром.

— Нет, спасибо.

Она снова увлекается внуком, а я вижу входящее сообщение. Я знаю от кого оно. Мне даже гадать не нужно.

Мне становится не по себе от мысли, что этот безумец следует за мной словно тень.

«Время есть. Думай. П.с. Спрячь бутылёк. И удали все сообщения».

— Как же он быстро растёт, — снова отвлекает меня По-

лина, поднимая внука на руки. Её глаза сияют искренней радостью. — Скоро совсем большой будет. Ну что, пойдёмте кушать? Я испекла его любимые блины.

Я киваю, больше не доверяя своему голосу. Кажется, если я скажу ещё хоть слово, я начну плакать.

Дальше семейный ужин отвлекает меня от тягостных дум, и я немного расслабляюсь.

Но как только она начинает говорить про свой день рождения, я снова начинаю волноваться.

— Таня, что с тобой? — заметив изменение в моём настроении, сердится на меня Амир. — Тань, ты можешь мне сказать, что у тебя случилось? То ты сидишь, улыбаешься, то через минуту мрачнее тучи.

— Не выпалась, — повторяю слова сказанные свекрови и делаю вид, что слушаю Полину.

Она рассказывает о предстоящем празднике, о том, какое платье шьёт для такого события, а я в это время думаю о том, что могу причинить ей вред и никогда себе этого не прощу.

Я не верю, что содержимое в бутылке что-то безобидное. Если бы это было так, этот незнакомец не стал бы искать что-то из моего прошлого и угрожать мне.

Совершенно точно не просто так он копался в моих секретах и понял, что Амир никогда не должен о них узнать.

Этот парень знает всё. И это «всё» ему кто-то рассказал и показал.

— Таня, как бабушка? — вдруг спрашивает Полина, кла-

дя свою тёплую ладонь на мою руку. Я тут же вздрагиваю, будто её прикосновение обожгло. Чашка в моей руке чуть не падает.

— Угу, — бормочу я, отводя взгляд.

За столом повисает многозначительная пауза.

— Простите... — поднимаю глаза на Полину, а потом перевожу на мужа.

— Я спросила, как чувствует себя твоя бабушка? — продолжает она, не убирая руки. Её глаза полны заботы.

— Просите... Хорошо.

— Амир, пойдём, нужно поговорить, — и снова удача на моей стороне.

Муж Полины уводит крайне напряжённого Амира, а я сижу и не знаю, как оправдаться за свою отстранённость.

— Тань, — свекровь заставляет смотреть на неё, — если тебе нужна помощь, скажи. Я понимаю, что от маленького ребёнка можно устать. Амир в детстве был очень активным ребёнком. Мне тоже иногда было тяжело. Рассеянность и усталость — это не страшно. Хуже, когда думаешь, что тебе не к кому обратиться. Но тебе есть к кому. Я рядом. Амир... Он, конечно, бывает, резким, но... — Полина ищет причины моего поведения в моей усталости.

— Я справляюсь. Но всё равно спасибо, что предложили мне помощь.

— Ну а как иначе? Мы же одна семья.

Когда она говорит это — «мы одна семья», внутри меня

что-то ломается. Я не сдерживаюсь и начинаю плакать.

Громко, безудержно. Слёзы текут по щекам, смешиваясь с тушью.

Плечи трясутся, а в голове вихрь: вина, страх, этот проклятый бутылёк в сумке.

Полина сначала теряется, её глаза расширяются от удивления, а потом быстро встаёт и подходит ко мне.

Она обнимает меня крепко, по-матерински, её руки гладят мою спину ласково, успокаивающе.

— Танюш, ну ты чего? — шепчет она, и в её голосе столько тепла, что мне хочется рассказать ей правду. — Что случилось? Расскажи. Ты... Это гормоны?

Понимаю, что свекровь намекает на беременность, но я отрицательно кручу головой.

— Ясно...

— Не обращайтесь внимание. Сейчас я успокоюсь.

Даже если бы я могла говорить, правду всё равно не расскажу. Ведь там, где правда про бутылёк, там правда о моём прошлом.

— Почему? — также ласково спрашивает она, отстраняясь чуть-чуть, чтобы заглянуть мне в глаза. Её пальцы быстро вытирают слезу с моей щеки.

— Не надо плакать. Сейчас Артём увидит твои слёзы и будет нервничать.

— Да, я понимаю, — начинаю сама спешно вытирать слёзы.

— Может, тебя Амир обидел? Но ты не хочешь говорить, потому что он мой сын.

— Нет.

— Милая, он бывает несдержан, но он любит тебя.

— Амир самый лучший, — говорю я, и это чистая правда. Мой голос дрожит, но я не вру. — Он никогда не грубит мне, и даже голос не повышает.

— Отлично. Я очень надеюсь, что я смогла вырастить настоящего мужчину. Просто я знаю, о чём говорю. Такие темпераментные парни, как мой сын, иногда бывают вспыльчивыми. Тань, если захочется, звони. Если у тебя проблемы, я постараюсь помочь решить их. И мы можем даже Амиру не рассказывать, оставив это нашим секретом.

— Хорошо.

Как бы мне хотелось поделиться с этой прекрасной женщиной своей бедой, но я не могу.

С первого дня, как мы познакомились с Полиной, она отнеслась ко мне с добротой и теплом, даже несмотря на то, что я категорически отличалась от них в социальном статусе.

Амир — сын довольно состоятельной матери, а я — девушка, выросшая у бабушки в деревне, с руками, загрубевшими от работы в огороде, и историей, которая не пришла бы по душе этому семейству.

Когда мы случайно познакомились с Амиром, даже несмотря на то, что влюбилась в него с первого взгляда, я была уверена, что между нами ничего быть не может.

Я понимала, кто он. Как и понимала: кто я.

Он парень в дорогом костюме и золотой картой, а я — в простом платье, со страхами и болью.

Между нами была пропасть, но Амир был очень настойчив.

И, конечно, я сдалась.

Свекровь, видя, что я не соглашаюсь рассказать ей о своей беде, больше не давит на меня.

Она кивает с пониманием, отстраняется медленно, будто не хочет рвать эту нить доверия.

Снова аккуратно вытирает новые слёзы и показывает на стол.

— Садись, сейчас будем пить чай.

Амир с Дамиром возвращаются к нам, и он, словно выполняет обычные действия, тянет руки к моему телефону.

— Это мой, — говорю, уверенная, что он просто ошибся, взяв не свой.

— Я знаю. Я хочу посмотреть.

— Что посмотреть?

— Покажи мне, с кем ты переписываешься и что за сообщения тебя так расстраивают.

Глава 4

— Амир... — с удивлением смотрю на мужа. — Зачем?

— Затем, что ты сама не своя. Мне что из тебя силком всё вытаскивать? — злится муж.

— Амир, прекрати, пожалуйста, — вмешивается в наш разговор Полина.

— Мам, я сам разберусь, хорошо? Не лезь! — Амир повышает голос, и Полина, видя, какое между нами напряжение больше не вмешивается.

Я отдаю ему свой телефон. Он быстро пролистывает ленту, но ничего особенного не находит.

Хотя он ничего и не должен был найти, потому что я, как только читаю сообщения, сразу же их удаляю.

Амир чувствует меня. Я вижу это. И я догадываюсь, что его очень раздражают мои слёзы и дежурные ответы на все вопросы.

Но мне нечего предложить ему взамен. Правда слишком горька, и он никогда не простит меня, если я расскажу ему, чем я, по собственной глупости занималась в прошлом.

Конечно, у меня возникает желание признаться, что от меня требуют навредить Полине, но я понимаю, что Амир вряд ли что-то сможет сделать тем людям.

Боюсь, на эмоциях, он, скорее, навредит, чем поможет.

Утром следующего дня я принимаю для себя, единствен-

ное, как мне кажется, верное решение и звоню в полицию.

Меня сразу просят представиться, но я отказываюсь. За-
чем им моё имя и фамилия, если речь идёт не обо мне.

Коленки трясутся. Я очень боюсь сделать неверный шаг.

— Что у вас случилось? — монотонным голосом спраши-
вает дежурный.

— Меня шантажируют.

На той стороне трубки молчание.

— Кто и чем? — равнодушие и безучастность сквозит да-
же на расстоянии.

— Меня просят убить одного человека.

Снова молчание.

— Прямо-таки убить?

— Да.

— Каким способом?

— Подсыпать яд.

— Хм... И откуда этот яд возьмётся? — теперь мне кажется, что дежурный просто издевается надо мной.

— Скажите, как я должна поступить, и я сделаю.

— Ну, если готовы рассказать всё, то приходите по адре-
су... — Он быстро диктует мне адрес.

В голове звенит слово «всё», и естественно, для меня
«всё» — это значит и о себе в том числе.

— А если только о преступлении.

— Девушка, представиться вы не можете, кто и чем вас
шантажирует тоже. Как тогда мы сможем вам помочь?

— Извините, я перезвоню.

Сбрасываю звонок, сижу с трубкой в руках и мысленно ругаю себя. Что на самом деле я хотела от полиции, если я не могу сказать правду? Он ведь прав: как они тогда могут мне помочь?

Вздрагиваю от входящего звонка. Номер неизвестный, но я снова знаю, кто это.

— Алло, — стараюсь говорить ровно.

— Привет, — даже пообщавшись всего лишь раз с этим человеком, я узнаю этот голос. — Я жду тебя сегодня в том же кафе. Укладывай ребёнка и приходи. Не придёшь, приеду к вашему двору сам.

Возразить не успеваю. Незнакомец сбрасывает звонок.

Нет, я не пойду на эту встречу. И в то, что приедет во двор — тоже не верю.

После дневного сна выхожу с Артёмом на прогулку и сажусь с ним в песочницу.

Через несколько минут поднимаю глаза и замечаю недалеко стоящего от моего дома парня. Того, кто шантажирует меня и требует совершить невозможное.

— Алин, присмотришь за Артёмом? — прошу приятельницу.

Девушка кивает мне.

Отряхиваю руки, расправляю плечи и спешу подойти к шантажисту.

— Что тебе от меня надо?

— Хочу дать тебе последние рекомендации перед твоим выходом, — говорит он со смешком в голосе.

— Что такого Полина сделала, раз вы заставляете меня отравить её? Она хороший человек. Прекрасная мать, све-кровь. Она... — слова льются потоком, и я сама не понимаю, в чём я его хочу убедить.

— Не ори, дура! — Он больно хватает меня за руку и на-чинает оглядываться по сторонам. — Ну, значит, не такая уж и отличная, раз нужно отправить её к праотцам. Повторяю: думай о себе. Не нужно думать о ней!

— Но меня могут обвинить в убийстве.

— Нет, этого не будет. Там такие компоненты, что никто даже не поймёт, что произошло.

Я ничего не отвечаю ему. Подхватив сына на руки, спешу в тот дом, где у нас находится пункт участкового. Благо, я знаю парня, работающего там и его жену.

Мы с ней иногда болтаем во дворе. И сам Алексей всегда казался надёжным и спокойным человеком.

Сейчас он моя единственная надежда.

Если раньше я боялась рассказывать правду, то теперь, ко-гда этот человек не постеснялся приехать ко мне, я принимаю неизбежность и решаю всё выложить.

Дверь в пункте закрыта наглухо. Ни звонка, ни таблички с телефоном. Только потрескавшаяся краска на входе и ти-шина.

Сначала я стучу тихонько, потом громче, затем, не стес-

нясь, стучу кулаком. Но ничего не происходит.

— Мам, пойдём, — тянет меня Артём.

— Сейчас, — пробую обойти здание. — Тихо, малыш, сейчас пойдём.

Вдруг слева раздаётся шорох. Поворачиваю взгляд в ту сторону и вижу, как по тропинке идёт мужчина с ведром, полным цемента.

Он останавливается и смотрит на меня с интересом.

— Девушка, что вы хотели?

— Я бы хотела поговорить с оперуполномоченным Левиным.

— А его нет.

— А когда он будет?

— Не знаю.

— Здесь всё закрыто, и я...

— Идёт ремонт. Раньше чем через месяц нет смысла сюда пытаться попасть.

Благодарю мужчину за информацию и спешу к Але. Уж она наверняка мне скажет, где найти её мужа.

— Аля, привет, — стараюсь говорить спокойно, но выходит плохо. — Прости, что я беспокою тебя, но ты не могла бы мне организовать встречу со своим мужем?

— Зачем? — спрашивает она, скрещивая руки на груди.

Мои мысли от неожиданного нового вопроса начинаю метаться из стороны в сторону.

— По личному делу.

— Он в отпуске, — коротко отвечает Аля и хочет закрыть дверь.

— А, понятно. Погоди! — я делаю шаг вперёд, не давая ей уйти. — Прости, что беспокою, но мне очень нужно с ним поговорить. Прямо сейчас.

— Он уехал на дачу и вернётся нескоро, — я вижу, как Аля смотрит на нас с явным нежеланием продолжать беседу, и это только усиливает моё чувство беспомощности. — Если что-то срочное, расскажи, что случилось, и я передам ему.

— Нет. У меня личный разговор, — и всё-таки ей я правду сказать не решаюсь.

— Ну тогда извини, — она равнодушно пожимает плечами и закрывает дверь.

Глава 5

Платье к юбилею свекрови, как и подарок, я подбирала тщательно.

В декрете, где каждый день похож на предыдущий, мне больше всего на свете хотелось отдохнуть и повеселиться.

Но тот бутылёк и шантаж изменили эти планы.

Амир, убедившись, что в моём телефоне нет ровным счётом ничего компрометирующего, оставил меня в покое и больше не лезет с расспросами.

Я чувствую странное облегчение оттого, что финал этой странной истории пришёлся именно на предпраздничную суету.

Если бы это напряжение и неопределённость длились дольше, моя нервная система несомненно сдала бы раньше.

Через несколько минут я появляюсь на пороге гостиной, где Амир водится с пуговицами на костюме сына, и замираю.

— Ты красавчик, — говорит муж Артёму, целуя в нос.

Артёмка в ответ смеётся и тянется к отцу.

Наблюдая за этой картиной, я ощущаю, как грудь сжимается от тяжёлой волны эмоций, где счастье и волнение идут рядом. Я не готова это потерять.

Чуть покашливаю, привлекая внимание своих мужчин. Амир переводит на меня взгляд и замирает. Артёмка вторит отцу и тоже смотрит на меня с особым интересом. Ему

непривычно видеть меня такой. Ведь нечасто его мама в нарядном платье и с причёской. Всё больше в джинсах и кроссовках.

Замечая, как смотрят на меня мои мужчины, я понимаю, что они довольны моим внешним видом.

— Тём, мама у нас безумно красива, — Амир подхватывает сына на руки и идёт ко мне.

Тёма начинает хлопать в ладоши и поддакивать отцу.

Амир не сдерживается и целует меня. Отвечаю, стараясь не испортить макияж.

— Ты шикарна, — приобнимает меня Амир второй рукой и спускается на попу. Чуть сжимает её, и я не могу сдержать улыбки. Я люблю его ласки. Пусть даже такие мимолётные. — Сегодня я сам уложу Артёма. А ты... жди меня и не засыпай. — В голосе мужа нескрываемое желание.

— Хорошо.

Амир ставит сына на ноги и тот начинает вокруг возле нас.

— Ты готова?

— Да.

— Танюш, я знаю, ты перед этим праздником нервничала, но сейчас я прошу тебя: расслабься сегодня.

— С ним шибко не расслабишься, — смеюсь и киваю в сторону сына.

— Его я беру на себя. А точнее, на тех, кого я нанял сегодня. У Артёма будет нянька. Я договорился, что за ним присмотрят, — он смотрит на меня через зеркало и помогает

застегнуть цепочку.

— А что в этом ресторане есть такая услуга?!

— Нет, но я организовал. Уверен, нашему малышу будет весело так же, как и нам самим.

Дорога до ресторана проходит в молчании. Амир то и дело бросает на меня взгляды, а я смотрю в окно, сжимая сумочку со злосчастным бутылком.

Как я не пытаюсь справиться со своим волнением, внутри меня всё дрожит.

Через несколько минут мы останавливаемся у нужно здания и я понимаю, что больше я ничего не смогу изменить. Отсчёт пошёл.

В ресторане уже собрались гости. Полина сидит во главе стола и сияет в своём новом платье.

Я занимаю место рядом с мужем, чувствуя, как его рука снова ложится на мою талию. Тепло его ладони должно успокаивать, но вместо этого оно жжёт.

Я боюсь, что он почувствует, как быстро бьётся моё сердце.

Вечер начинается с лёгкого шума голосов и звона бокалов.

Официанты разносят закуски, а потом первый тост произносит её муж. Он поднимает фужер и смотрит на Полину с искренней теплотой.

Он говорит ей тёплые слова, не стесняясь друзей и родственников, целует её в губы, а я по-доброму завидую им.

Я хочу, чтобы мой муж спустя годы так же сильно любил

меня, как Дамир любит Полину.

Только я не уверена, что в нашем случае будет именно так. Все поднимают бокалы. Полина смеётся, прижимает руку к груди и благодарит собравшихся.

Я тоже улыбаюсь, но мои губы кажутся деревянными.

Тосты звучат один за другим. Каждый говорит добрые слова: о её щедрости, о том, как она поддерживала семью в трудные времена, о её потрясающем чувстве юмора.

Полина вытирает уголки глаз салфеткой, явно растроганная. А я посматриваю то на время, то на свой телефон.

Я не представляю, когда у меня появится возможность сделать то, что я должна. Но я обязательно найду момент.

От длительного ожидания, страха и волнения меня начинает подташнивать.

Амир наклоняется ближе, целует меня в висок и шепчет на ухо:

— Пойдём потанцуем?

Я соглашаюсь и пока иду до танцевальной площадки, чувствую насколько я напряжена.

Мне в спину словно кол вогнали, и именно он не позволяет хоть немного расслабить плечи.

— Милая, я очень надеюсь, что после этого праздника ты наконец-то расскажешь мне, что у тебя случилось, — говорит Амир на ухо, обжигая своим дыханием.

Киваю и соглашаюсь, лишь бы он ко мне больше не приставал.

Смотрю по сторонам. Возможно, я увижу того, кто мне угрожает. Но этого человека нет.

Поворачиваю голову в сторону стола и замечаю, что Полина отошла от своего места. И на моё счастье рядом с ней отошёл и Дамир.

— Амир, ты не посмотришь, как там Артём? — прошу мужа, хватаясь за предоставленную возможность.

Я уверена, что лучшего момента, чем сейчас, у меня больше не будет.

Амир уходит в игровую комнату, а я спешу сесть на своё место, и делая вид, что тянусь к своему бокалу, беру бокал Полины.

Я счастлива, что никто не обращает на меня никакого внимания.

— Всё нормально, — подходит ко мне муж, когда я держу бокал его матери в руках. — Это разве твой бокал? Ты вроде пила апельсиновый сок?

Он смотрит на меня так, словно всё знает. Но я успокаиваю себя тем, что ничего он знать не может и у страха глаза велики.

— Ой, перепутала! — пожимаю плечами и улыбаюсь мужу.

Дрожащими руками ставлю бокал своей свекрови на стол и быстро тянусь за своим.

— Пойду потанцую с мамой. А то гости её атаквали со всех сторон, а я тоже имею право на общение, — муж рас-

слаблен, и я выдыхаю, радуясь, что он ничего не заподозрил.
— Конечно, иди.

Я быстро пересаживаюсь на своё место и делаю вид, что наблюдаю за танцующими парами.

На самом деле мне нет до них никакого дела, но я должна отвлечься. В ином случае я выдам себя с потрохами. Я и так чувствую, как моё лицо горит.

Музыка становится громче и от напряжения у меня начинает болеть голова. Я массирую виски, но ничего не помогает.

Теперь моё единственное желание — чтобы всё поскорее закончилось!

Я так устала от этого страха, волнения и сомнения, что, кажется, больше не выдержу и минуты!

Вибрация телефона заставляет меня достать гаджет. Я на тысячу процентов уверена, что знаю от кого сообщение.

«Надеюсь, ты не подвела нас» — светится на экране.

«Нет. Я сделала всё. Теперь ликвидируйте фотографии и оставьте меня в покое».

Глава 6

Музыка продолжает греметь, огни на танцполе мерцают разноцветными вспышками, а я начинаю их ненавидеть.

Я сижу за столом, словно из меня вынули всю жизнь, и не знаю, что делать дальше. Жду...

Руки дрожат, а в груди тяжёлым комом сидит ощущение предательства.

Я знаю, что всё будет хорошо, и продолжаю повторять себе это как мантру, но переживание за то, что будет происходить дальше, всё равно жжёт изнутри.

В горле пересохло, будто я проглотила песок, и я машинально беру бокал, поднося его к губам.

Я делаю большие глотки, пытаюсь хоть как-то утолить жажду и заглушить страшные мысли, но жажда не уходит.

— Тань, всё нормально? — Дамир подходит ко мне и садится рядом, поворачивая стул так, чтобы смотреть прямо на меня.

— Да. Всё нормально.

— Тебе нужна помощь? — продолжает он, наклоняясь ближе. Его рука слегка касается моего плеча, а я хочу, чтобы он не прикасался ко мне сейчас. Мои нервы на пределе.

— Я сама. Я всё сама...

Он несколько минут сидит и сверлит меня взглядом, а я не помню который раз на последнюю неделю натягиваю на

лицо дежурную улыбку.

Я чувствую, что Амир снова смотрит в мою сторону.

Он что-то говорит Полине, подводит её к столу и теперь стоит возле меня.

— Что с тобой? — присаживается передо мной на корточки. Он сверлит меня взглядом. А мне хочется сказать ему, чтобы он прекратил.

— Всё нормально.

— Не похоже... Пойдём на воздух, ты слишком бледная, — муж тянет меня за руки, обнимает за талию, и его тёплое дыхание касается моего виска.

Амир заставляет выйти меня на воздух и, накинув пиджак мне на плечи, поворачивает к себе.

— Говори.

— Что?

— Ты что-то скрываешь.

— Нет, — дрожу.

— И именно поэтому ты сейчас не смотришь мне в глаза и дрожишь как осиновый листок?

— Холодно... — у меня на самом деле зуб на зуб не попадает.

— На улице двадцать три градуса тепла, — конечно, муж не верит мне. — Тань, ты случайно не беременна?

Этот вопрос бьёт меня словно удар. Я хватаюсь за него как за соломинку, хотя внутри всё кричит, что это неправильно.

Сама не ведая, что творю, я начинаю кивать, и слово «воз-

можно» вырывается само собой.

Я вру! Но я хочу этой лжи, чтобы хоть как-то объяснить своё странное поведение, и чтобы он перестал копать глубже.

Амир улыбается, и эта улыбка задевает меня за живое. Она искренняя, тёплая, и я вижу, как эта новость радует его. Его глаза светлеют, плечи расслабляются, и он чуть наклоняется ещё ближе.

— Но почему ты не сказала мне?

Когда я смотрю на его реакцию, я понимаю, что я уже не то, что по шею, я уже по макушку утонула во лжи, и как я буду оправдываться перед ним дальше, я не представляю!

Ладно, как-нибудь выкручусь. Можно подумать, у меня есть выбор.

— Я не до конца уверена. Один тест показал две полоски, второй одну.

— Третий сделала?

— Нет. У меня было только два. Последние в аптеке забрала.

Что я творю? Зачем всё это враньё?

— Какое счастье, Танюш, — Амир притягивает меня к себе и обнимает за плечи.

Я утыкаюсь ему в грудь и сдержать слёзы уже не получается.

— Ну теперь мне понятно твоё поведение, маленькая, — он вытирает подушечками пальцев мои слёзы и целует уголки глаз. — Гормоны... Я помню, как тебя штормило, когда

ты была беременна Артёмом. Дубль два?

Мы начинаем смеяться, потому что и мы сразу вспоминаем, как Амир покупал мне мел в аптеке и искал экзотические фрукты зимой.

Меня на самом деле штормило, как он выразился. И сейчас штормит. Только шторм этот по другой причине.

— Амир, не говори пока никому ничего. Ладно?

— Хорошо.

— Даже с мамой не делись.

— Не буду. Зачем, если ты не уверена наверняка.

Я благодарна ему за понимание, но при этом ненавижу себя за ложь.

Проходит примерно полчаса, праздник уже в самом разгаре, а я не отвожу взгляда от Полины.

Пока ничего не меняется. Она бодра и весела, и я начинаю надеяться, что это был глупый розыгрыш или непонятная шутка.

Гости хохочут над шутками, бокалы звенят без остановки, а я думаю о том, когда наконец уже наступит конец всему, что связано с этой историей.

Я пытаюсь держаться, танцую с Амиром, общаюсь с гостями, хожу и проверяю, как там Артём в игровой комнате. Но волнение никуда не уходит.

Всё меняется в одно мгновение. Я вижу, как Полина, которая только что смеялась, вдруг резко бледнеет.

Её рука тянется к груди, пальцы сжимаются в кулак. Она

пытается встать, но ноги её не держат.

— Что с тобой? — наклоняется над ней Дамир.

— Плохо...

— Мам, — присаживается рядом с ней. — Что с тобой?

Лицо моего мужа искажается от страха. Подобный страх я никогда не видела в его глазах.

Обычно Амир ведёт себя уверенно, а сейчас он выглядит потерянным мальчишкой.

— Голова кружится. Плохо, Амир.

Полина закрывает глаза, и с этого момента вокруг начинается настоящая суета.

Гости вскакивают со своих мест, и все хотят помочь. Люди окружают Полину плотным кольцом, но Дамир просит отойти людей в сторону. Амир в это время звонит в скорую помощь.

Наблюдая за этой картиной, единственное, что мне хочется сделать — встать, взять сына на руки и бежать отсюда как можно дальше.

Но я не могу пошевелиться. Страх оттого, что я могла навредить своей свекрови, и страх того, что все поймут, кто навредил ей, сковывает меня по рукам и ногам.

Прикладываю руку к груди и чувствую, как сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди.

— Мам, открой глаза! — кричит мой муж, подхватывая свекровь на руки.

Голос его дрожит, и это разрывает мне сердце.

— Дышать тяжело... — выдыхает Полина слабым, прерывистым шёпотом. Её лицо покрывается испариной, а в глазах настоящий страх...

Глава 7

Амир несёт свою маму к выходу, крепко прижимая её к груди, и я не могу оторвать от мужа глаз.

Слова тонут в шуме паники вокруг, но я даже не пытаюсь их уловить.

Единственное, чего мне хочется — чтобы побыстрее всё это закончилось.

Слёзы жгут глаза, подступают так быстро, что я не успеваю их сдержать, и они скатываются по щекам, смешиваясь с дрожью в груди.

Я обхватываю себя руками, пытаюсь остановить эту дрожь, но мир вокруг сжимается до одной картины: Амир и обмякшая в его руках мама.

Обвожу глазами ресторан. Дамир... Он мой якорь в этой пучине. За него я цепляюсь как за того, кто не даст мне окончательно сдаться.

Дамир собран. И я, глядя на него, тут же собираюсь.

— Таня, не смей раскисать. Так нужно, — повторяю себе как мантру.

Дамир, чувствуя мой взгляд, поворачивается ко мне. Пару секунд мы смотрим друг на друга, а затем я первая отведу глаза.

Медики приезжают через считанные минуты. Они окружают Полину, надевают ей кислородную маску, измеряют дав-

ление, кладут на носилки.

Я стою в стороне, обхватив себя руками, и даже не замечаю, как сын дёргает меня за платье.

— Мама... А что с бабулей? — тихо спрашивает он меня.

— Сынок... — подхватываю его на руки и прижимаю к себе. Кажется, даже становится легче.

Через пару секунд Артём уже у меня на руках и вопросы из его рта сыпятся один за другим.

Это раздражает меня. Я и так натянута как струна, а Артём своим любопытством заставляет меня волноваться ещё больше.

Полину увозят через несколько минут. Дамир уезжает вместе с Полиной, а мой муж должен ехать следом.

Наверное, нужно подойти к нему и спросить, что делать нам. Но я не решаюсь.

— Танюш, ты еле на ногах стоишь. Тебе плохо? — Подруга Полины подходит ближе, и она мягко касается моего плеча.

— Я... Со мной всё в порядке.

— Но ты такая бледная.

— Просто волнуюсь за свекровь, — я ни капли не лукавлю.

— Да уж. Как же так... Что могло случиться, не понимаю. У Полины, насколько я знаю, на какие-то продукты аллергия. Может быть, она что-то скушала не то, — рассуждает вслух. — Не очень хочется верить, что это массовое отрав-

ление.

— Уверена, что не массовое. Со мной, как видите, всё в порядке. И другие гости вроде бы в норме, — оглядываюсь по сторонам.

Артём начинает нервничать и пытается слезть с моих рук.

— Сынок, посиди тихонько, мы скоро поедem, — уговариваю его не крутиться. У меня нет сил бегать за ним по пятам по этому большому залу.

— Давай я с ним побуду, — говорит она, забирая у меня Артёма.

Мой малыш, словно, чувствуя моё настроение, улыбается женщине и идёт к ней на руки.

— Спасибо. Я только с мужем поговорю и вернусь.

Выхожу на крыльцо и замечаю любимого. Я вижу, как Амир стоит у машины поникший и злой. Его плечи напряжены, челюсть сжата, но в глазах — океан тревоги.

«А причина всему этому — ты!» — добивает меня собственная совесть, заставляя страдать сильнее, чем я уже страдаю.

— Как ты? — задаю глупый вопрос. Но мне нужно что-то сказать.

— Плохо. Я разорю владельца этого ресторана, если узнаю, что моя мать пострадала из-за их кухни.

Опускаю глаза. Нет, владельца ресторана я точно защищать не буду. У меня задача себя защитить.

— Всё наладится, — еле слышно говорю я.

— Очень надеюсь, — проводит руками по лицу Амир и закрывает глаза. — Страшно, Тань. Я боюсь за маму...

Не могу сдержаться и обнимаю мужа. Мне хочется открыться перед ним, но я не имею на это право. Это не моя игра, я в ней всего лишь пешка. Хотя, если брать правила игры — всё-таки меня сделали довольно важной фигурой.

— Таня, езжайте с Артёмом домой, — говорит мне муж устало, поглаживая мои волосы. — Тебе нельзя нервничать, помнишь...

— Амир...

— Да, я знаю, что тест может ошибиться, но... Мы же оба допускаем мысль, что такое возможно.

— Да, конечно.

— Ну вот, значит, поезжайте домой.

— Но я хочу с тобой!

— А Артём с кем будет?

— Я попрошу соседку посидеть.

— Нет. Не нужно тебе лишнего волнения.

— Но...

— Таня, повторяю: ты, возможно, беременна! Тебе нужно беречься! — Амир непреклонен.

— Ладно. Прости, — шепчу я, опуская глаза, и чувство вины становится ещё острее. — Я пока не привыкла к этой мысли.

Амир притягивает меня к себе, он целует меня в висок, и этот жест наполнен такой нежностью, что я почти не могу

дышать.

— Я позвоню, как только смогу. Не волнуйся за меня, любимая.

Он садится в машину и уезжает, стараясь нагнать скорую. А я остаюсь смотреть, как теряется из виду его машина, и понимаю, что не представляю, как мне дальше с этим жить.

Добравшись до дома, я не могу сидеть и делать вид, что всё нормально и ничего не происходит.

Я набираю мужу, но он не отвечает.

Неизвестно давит, и я звоню крёстной Артёма, чтобы она посидела с нашим сыном.

Вызываю такси и мчусь в больницу. Больше всего я хочу быть сейчас со своим мужем.

— Таня... Я же сказал ехать домой, — вижу на его лице удивление.

По дороге я готовлюсь объяснять ему, почему я не смогла усидеть дома, но он даже не спрашивает меня с кем остался Артём. Он отрешён и словно не здесь.

— Я не могу сидеть дома, Амир, — утыкаюсь ему в грудь.

Он обнимает меня в ответ, зарывается лицом в мои волосы, и я чувствую, как его тело дрожит.

— Мне так страшно, милая. Но с тобой... с тобой я могу это выдержать.

Глава 8

Всю ночь я не могу уснуть. Лежу на боку, уткнувшись лицом в прохладную подушку, и смотрю в темноту.

За окном давно полночь, а сон всё равно не приходит.

Он будто назло обходит меня стороной, оставляя наедине с мыслями, от которых невозможно спрятаться.

Да и как уснёшь, когда совершила такой страшный поступок?

Стоит закрыть глаза — и передо мной снова возникает тот момент, когда Полине становится плохо.

Я переворачиваюсь на спину и прижимаю ладони к лицу.
— Всё будет хорошо. Я всё сделала правильно, — едва слышно шепчу в темноту.

Утро приходит слишком быстро.

Я не успеваю толком провалиться в тревожную дремоту, как из коридора слышу тихий скрип двери.

— Мам? — сонно зовёт Артём.

Я тут же вскакиваю.

— А? Что? Я здесь, солнышко.

Мой сын стоит в дверях и переминает с ноги на ногу. Непривычно...

Обычно Артём влетает в комнату как вихрь и с разбегу запрыгивает на кровать. А сегодня он так же как и я слегка заторможенный.

Вероятно, мой сын чувствует моё волнение и оттого волнуется сам.

— Что с тобой?

Он не отвечает, только пожимает плечами.

— Хочешь какао?

— Нет.

— Кашу?

— Нет.

— А что ты хочешь?

— Ничего.

Сын подходит ко мне ближе и обнимает меня за шею. Я глажу его по волосам, вдыхая знакомый запах детского шампуня, и на несколько секунд мне становится легче.

— А когда придёт папа? Почему его так долго нет?

— Скоро придёт. Очень скоро.

— А где он? — устраивает допрос мой любопытный сын.

— У бабушки Поли болит живот, и он поехал с ней в больницу.

— А мы поедem к ней?

— Обязательно, — вру. Я не хочу ехать туда, где мне всё напоминает о моём поступке. — Но прежде нужно покушать.

Стараюсь вести себя как можно непринуждённое. Но на кухне всё валится из рук.

Артём сидит за столом и болтает ногами, а я пытаюсь сварить ему кашу.

Вроде бы делаю всё как обычно: ставлю кастрюлю, нали-

ваю молоко, достаю крупу. Но мысли снова уносят меня туда, куда я запрещаю себе возвращаться.

Телефон лежит рядом с плитой. Экран молчит. Ни звонка. Ни сообщения.

Наверное, нужно просто ждать, но я не могу.

Я уже несколько раз пыталась дозвониться до Амира. Но все мои попытки остались без ответа.

Сначала он просто не брал трубку, а теперь сбрасывает звонки без объяснения.

Хочется реветь, но я держусь. Нет смысла по каждому поводу лить слёзы.

Внезапно с улицы доносится звук подъезжающего автомобиля, а следом — тяжёлый хлопок дверцы.

Замираю, боясь пошевелиться, и жду, что будет дальше.

Наконец-то на пороге появляется Амир.

Он стоит в дверном проёме, и я, глядя на него, пытаюсь угадать: знает ли он уже то, что знаю я.

Весь мой гнев и обида за неотвеченные звонки куда-то улетучиваются, оставляя лишь парализующий страх перед тем, что он может сказать или сделать.

Не раз за эту ночь я представляла, как он возвращается домой, нависает надо мной коршуном и говорит, что всё знает.

— Как мама? — стою с сыном на руках, глядя его по спине.

Амир даже не сразу отвечает. Он выглядит измученным:

рубашка помята, под глазами залегли тени, в волосах — беспорядок.

Он словно провёл не одну бессонную ночь, а как минимум не спал неделю.

— Нормально. Но пока ничего конкретного врачи сказать не могут, — как-то безжизненно говорит он мне. — Меня к ней пустили на несколько минут. А дальше я просто сидел у палаты.

— Почему?

— Врач говорит, что её пока нельзя беспокоить. И я решил не спорить с ним. Им ведь виднее, верно?

— Ну да... Конечно. Амир, главное ведь она жива, правда?

— Конечно. Но всё равно... тяжело.

Киваю и сильнее прижимаю Артёма к себе.

— Они ответят... — говорит неожиданно зло Амир.

— Кто? За что? — замираю.

— Кто причинил вред моей матери.

— А кто причинил?

Амир поднимает на меня глаза. Он смотрит несколько секунд и ничего не отвечает. Мой вопрос, вероятно, кажется ему странным.

Только я знаю то, чего не знает он...

— Я выясню — кто, — из его уст звучит угрожающе.

— Я не понимаю... Всё же было хорошо. Полина вчера улыбалась, разговаривала с нами. Она выглядела совершенно здоровой. И счастливой.

— Да, но тем не менее, сама видишь, теперь она нездорова, и счастья тоже я в её глазах не заметил. — Он проходит мимо меня в сторону спальни, на ходу стягивая галстук. Резким движением расстёгивает верхнюю пуговицу рубашки, бросает пиджак на спинку кресла. Обычно Амир всегда аккуратен, даже дома. Но сейчас ему явно не до этого. — Тань, заberi Артёма. Я хочу немного отдохнуть, а потом снова поеду к ней.

— Хорошо. Амир, когда всё это случилось, я случайно услышала, как подруга твоей мамы говорила, что Полина алергик?

— Да, у неё были проблемы, но до такого масштаба не доходило. В любом случае, повторяю: я докопаюсь до истины, чего бы мне это ни стоило.

Он смотрит куда-то в сторону, словно прокручивает в голове каждую деталь прошедшего вечера в ресторане.

Я замечаю, как он снова начинает мысленно раскладывать всё случившееся по полочкам, и от одной только мысли, что он может докопаться до правды и узнать, кто виноват в несчастье его матери, у меня будто земля уходит из-под ног.

Чтобы не выдать себя, я сажусь на диван и пытаюсь переключить внимание на сына.

— Давай поиграем мозаикой? — предлагаю Артёму, доставая яркие пластиковые детали. — Посмотри, мы можем собрать машинку. Или домик.

Артём не соглашается и со мной и тянет руки к отцу. Он

настолько соскучился по нему, что не обращает на меня никакого внимания.

— Папа, возьми меня. Папа, поцелуй!

— Сынок... — Амир берёт сына на руки и крепко его обнимает. Я вижу, что ему очень тяжело, но прижимая сына к себе, Амир словно напивается энергией любви. — Ты мой самый любимый человек на всей планете. Ты же знаешь об этом, правда?

Сын начинает кивать и улыбаться. Он целует щёки отца, и Амир отвечает ему той же лаской.

— Тань, и ты тоже. У меня хватит любви на всех, — он говорит эти слова, словно чувствует, что они мне тоже необходимы.

Амир несколько минут отвлекается на сына, а потом ставит его на пол и спешит в ванную.

Слышу, как он включает воду, и говорю ему через дверь: — Ты отдыхай, а мы пошли гулять.

Посматривая на часы, не желая отставать от налаженного расписания, тороплюсь одеть сына и выйти на прогулку.

Не знаю, что происходит с Тёмой сегодня, но он продолжает нервничать, и даже надеть на него комбинезон — целая проблема.

— Да что с тобой сегодня, сынок?

— Не хочу гулять! — кривит лицо.

— Нужно гулять. Зачем сидеть дома? Посмотри на улице какое солнышко!

Я беру Артёма на руки и подхожу к окну. Там светит яркое солнце, которое я сразу же показываю сыну.

— Смотри! Солнышко ждёт тебя! — Он щурится, и я вижу, что его настроение меняется. — Ну что? Передумал? Гулять идёт?

— Да.

Пользуясь моментом, пока мой капризный сын не передумает, спешу побыстрее на улицу.

Кажется, если мы задержимся дома ещё на несколько минут, он обязательно передумает — потребует обратно к отцу, начнёт плакать, и тогда мне придётся остаться в четырёх стенах со своими мыслями.

А мыслей у меня сейчас слишком много.

Я крепче сжимаю руку Тёмы и выхожу из подъезда. На улице свежо, ветер шевелит ветки деревьев, а во дворе, как обычно, в это время, собираются мамы с детьми.

— Привет, — здороваюсь с компанией девушек, гуляющих с колясками.

— Привет! — кивают мне в ответ. — Девочки, может, к площадке пойдём?

— На го-о-орку! — радостно тянет Артём и тут же вырывает свою ладошку из моей.

Я машинально делаю шаг за ним, но в этот момент браслет на запястье коротко вибрирует. Замечаю входящее сообщение, и сердце мгновенно срывается вниз.

Прежде чем открыть его, начинаю оглядываться по сторо-

нам.

Недалеко от нашего подъезда стоит машина: чёрный седан, которого я раньше здесь не замечала.

Двигатель автомобиля заведён, и я понимаю, что это не случайно. Водитель словно ждёт кого-то.

Хотя я догадываюсь — кого. Меня...

Глава 9

Внутри всё холодеет.

Я стою посреди двора и чувствую, как по спине медленно ползёт неприятный, липкий страх. Тот самый, который сковывает, и от которого невозможно пошевелиться.

Вокруг слышатся детские голоса, смех, скрип качелей, кто-то зовёт кого-то по имени, рядом проходят мамы с колясками, но все эти звуки будто отдаляются.

Мой личный мир сосредоточен на тёмной машине у обочины.

Смотрю, как стекло со стороны водителя медленно начинает опускаться. Не резко, не случайно, а нарочно, словно лениво.

Пару секунд и на меня смотрит знакомое лицо. Затем парень кивком показывает мне на мой телефон, который я держу в руках.

— Тань, ты идёшь? — слышу голоса девушек.

Я вздрагиваю, будто меня выдернули из оцепенения.

Поворачиваюсь к ним. Девочки стоят чуть поодаль, рядом с горкой и ждут меня.

— Да, я сейчас, — отвечаю я, но сама продолжаю стоять как вкопанная. Потому что мужчина в машине всё ещё смотрит на меня.

Он снова кивает на телефон.

Дрожащими руками открываю только что пропиликанное сообщение: «Она жива. Почему?».

Я снова поднимаю взгляд на машину. Парень больше не улыбается. По тому, как он смотрит на меня, я понимаю: он ждёт моего ответа.

Но что мне ему сказать? Рассказать правду? Обойдётся!

— Насть, присмотри за Артёмом пару минут? — прошу одну из девушек. — Мне нужно отойти.

— Конечно. Тань, что-то случилось?

— Нет, — быстро кручу головой. — Просто знакомый подъехал. Хочу подойти к нему.

Хочу сделать шаг, но сын начинает нервничать.

Я присаживаюсь перед Артёмом на корточки. Он смотрит на меня со страхом.

— Сынок, я здесь, я рядом, — говорю я мягко, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я отойду на минутку, но ты не пугайся, хорошо?

— А куда ты? Ты долго? А зачем? — Артём, засыпая меня вопросами, сразу становится серьезнее.

— Я... Я купить тебе сока. Ты хочешь сока?

— Да!

— Ну вот и отлично, — поправляю его одежду и встаю с корточек.

Буквально в два шага и я уже стою у незнакомой машины. В голове крутится только одна мысль: нельзя показывать страх. Нельзя дать ему понять, насколько легко ему своим

появлением удаётся выбить почву у меня из-под ног.

Я останавливаюсь у опущенного окна.

— Что вам ещё нужно от меня? — резко спрашиваю парня.

— Я всё выполнила. Но вы снова здесь.

Как только я задаю ему этот вопрос, незнакомца приподнимает руку. Он совершенно точно чувствует себя хозяином этого странного положения.

— Ты почему такая недружелюбная? — произносит он мягко, почти доброжелательно. — Я ведь с тобой по-доброму. А ты вечно рычишь.

— Потому что вы шантажируете меня! Подло и дёшево. Я сделала всё, что вы просили. Отдайте мне фото, удалите их с телефона и пообещайте, что больше никогда не появитесь в моей жизни.

— Нет, — цокает парень языком. — Ты сделать-то сделала, да не всё! Твоя свекровь не умерла, а в больнице. А это, согласись две большие разницы.

— Я давала вам обещания убивать её. Вы требовали, чтобы я подсыпала содержимое в её стакан, и я сделала это. Я выполнила то, что вы сказали.

— Она не сдохла! И это значит лишь одно: я уничтожу твою жизнь! — Произнося эти слова, мужчина нажимает кнопку, и стекло медленно ползёт вверх.

— Как это... Но я... Не смейте! — теперь уже почти шёпотом произношу последние слова.

Но он больше не желает разговаривать со мной, нажав на

педаль газа и скрываясь за горизонтом.

Следующий час прогулки с сыном становится для меня настоящей пыткой.

Я хочу верить, что шантаж этого парня всего лишь блеф, но моё чутьё кричит мне, что он сделает то, что обещал.

Вернувшись домой, я не успеваю зайти на порог, как следом возникает и Амир.

— Ты же уехал к маме, — говорю неуверенно.

— Вернулся на полпути.

— Зачем? — Я задаю этот вопрос, но, глядя на его лицо, я понимаю, что он всё знает.

— Сына посади в манеж, — надвигается он на меня так, словно он сейчас снесёт меня со своего пути.

— У нас давно нет манежа, — прижимаю Артёма к себе. Я знаю, что он ничего ему не сделает, но мои действия лишь инстинкт.

— Тогда дай ему какую-нибудь игрушку, чтобы он не отвлекал нас от разговора.

По лицу Амира я понимаю, что наступил тот момент, о котором меня предупреждал незнакомец, и который я так боялась. Вероятно, после того, как он поговорил со мной и пока я гуляла с ребёнком, этот урод отправил фото на телефон моему мужу.

— Амир... Успокойся.

— Я сказал отнеси сына в соседнюю комнату и дай ему что-нибудь, чтобы он не беспокоил нас! — повышает голос

мой муж, не обращая внимание на мою просьбу.

Артём, чувствуя настроение отца, начинает плакать. Но Амиру плевать на слёзы сына.

В глазах мужа настоящий ураган. В нём столько злости и агрессии, что я сама ещё чуть-чуть и разревусь.

Никогда в жизни я не видела его таким.

— Тише, мой хороший. Папа просто... не в духе. Ты пугаешь сына, — стараюсь говорить как можно спокойнее и глажу Артёмку по спине.

Громкий смех моего мужа бьёт по перепонкам. Мы с Артёмкой замираем.

— Не в духе? Да ты никогда в жизни меня не видела, чтобы я был не в духе! Пошла и посадила сына в комнату! — Слова мужа бьют, как пощёчина, злоба в голосе режет насквозь и теперь уже не сдерживаясь, я начинаю плакать вместе с сыном.

— Дай мне пять минут, чтобы успокоить сына. Не заходи в комнату, — хлюпаю носом, закрывая в комнату дверь.

— Хоть десять! — он отворачивается от меня и в два шага оказывается возле дивана.

Он садится на него и закидывает нога на ногу.

Я вижу, как на его лице играю желваки, а глаза... если бы можно было убить взглядом, я была бы уже мертва.

Глава 10

— Посиди немного со своими друзьями, — сажаю Артёмку на кровать и протягиваю ему игрушки.

— Нет, — он крутит головой. — Не хочу.

— Ну... Ну тогда, хочешь, я включу тебе мультик?

— Да! — тут же кивает сын.

Ну ещё бы! Мульттики у нас самая сложная тема. Артём любит их смотреть, а я стараюсь ими не злоупотреблять.

Но сегодня у меня нет выбора. Иначе он не отпустит меня поговорить с мужем.

— Успокоился? — смотрит на меня Амир, когда я выхожу из комнаты.

— Ненадолго.

Закрыв плотно дверь в детскую, подхожу к столу и замечаю конверт. Я на сто процентов уверена, что знаю его содержимое.

— Амир, что с тобой?

— А ты правда не знаешь?

Я отворачиваю лицо и делаю вид, что не понимаю его злости.

— Нет. Я уходила гулять, ты должен был лечь спать. Но ты, видимо, сразу поехал к маме...

— Таня, хватит заговаривать мне зубы. Я не идиот. Лучше расскажи мне, что это такое? — он кивает в сторону кон-

верта, а я закрываю глаза.

Чтобы как-то унять дрожь, начинаю про себя вспоминать какое-то стихотворение, которое я когда-то учила в школе. Обычно это успокаивало меня.

— Таня...

Молчу, опустив лицо.

— Таня! — повышает голос.

— Что? — поворачиваюсь.

— Возьми в руки конверт и посмотри фотографии!

Выбора нет. Ну простою я ещё хоть пять минут, хоть десять, хоть час. Но это ничего не изменит.

Я могу молчать, опустив глаза в пол. Могу делать вид, что ничего не происходит. Но знаю: Амир не отступит.

Ведь он из тех мужчин, которые не оставляет начатое на середине. Если уж ему что-то нужно — он будет стоять до конца. Молча, упрямо, с этой своей твёрдой уверенностью, которой я всегда восхищалась.

И это касается не только бизнеса. Это касается и наших отношений.

Одно только его настырное ухаживание до нашей свадьбы чего стоит!

Сколько раз я тогда отказывала ему во встречах? Сколько раз говорила, что между нами ничего не будет, что он зря тратит время, что ему стоит найти другую?

Но он не отступал. Он всё равно приходил. С цветами, без цветов. С улыбкой или молчаливый.

Он ждал у подъезда. Звонил. Писал. Появлялся в те моменты, когда я меньше всего ждала его, и смотрел так, будто уже всё решил за нас обоих.

Будто знал: рано или поздно я сдамся. И ведь добился своего.

И здесь он тоже добьётся.

Я медленно подхожу к столу. Каждый шаг даётся мне с трудом.

Смотрю на конверт. Обычный, плотный, бежевый. Ничего особенного. Но сейчас он кажется мне страшнее любого приговора.

Амир резко поднимается с дивана и уже стоит рядом. Неподвижный.

Мне не нужно смотреть ему в глаза, чтобы почувствовать его взгляд — тяжёлый, пристальный, давящий.

Он ждёт. Не торопит, не кричит, не требует. Но от этого становится только хуже.

Хотя для меня лучше бы он сорвался. Лучше бы ударил кулаком по столу, повысил голос, сказал что-нибудь резкое.

Тогда мне было бы легче расплакаться, оправдаться, спрятаться за обиду.

Но он спокоен. Слишком спокоен.

— Бери, доставай фото, и я жду твоих комментариев, — цедит он сквозь зубы.

Несмело киваю, беру конверт в руки и открываю. Я знаю, что это за фотографии, меня ничем удивить.

Фотографий не меньше пяти. Но мне достаточно увидеть одну, чтобы понять, что он всё знает.

— Это ты?

Я открываю рот, но не могу произнести ни звука.

Что сказать? Да? Прости? Я хотела рассказать? Я боялась? Это было давно? Это ничего не значит?

Любое слово кажется ничтожным. Пустым. Недостаточным.

Поэтому я молчу.

— Таня, я тебе задал вопрос: это ты?! — Амир снова повышает тон. — Ты же знаешь: отмолчаться не получится. Говори! Можешь даже сказать, что не ты и тебя подставили, а я на мгновение тебе поверю. Но ты прекрасно понимаешь, что я...

— Докопаешься до правды. Да, я знаю это, Амир.

— Тогда лучше давай сэкономим время. Повторяю свой вопрос: это ты?

— Я.

Как там пишут в историях о любви: в комнате повисает звенящая тишина.

Теперь я понимаю значение этого выражения, потому что в нашей повисает ровно такая же.

Амир после моего признания закрывает глаза, и из его сжатых губ срывается тихое, полное ярости ругательство.

Мне страшно. Я хочу отойти от него, но он хватает меня за руку и разворачивает к себе.

— Не могу поверить, — произносит муж слова чётко, повышая тон буквально на каждой букве.

Он смотрит на меня так, словно видит впервые.

Не жену. Не женщину, с которой просыпался рядом, которую обнимал по ночам, которой доверял свои мысли, планы, слабости. А чужого человека. Незнакомку. Обманщицу.

— Ты что... — Амир запинается, словно не может выдать следующие слова. — Ты действительно хотела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.